

Садекова Айслу Хусяиновна, Хайрутдинова Резеда Рафаилевна

ФОЛЬКЛОР И НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ В ПОВЕСТИ ТАТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГУМЕРА БАШИРОВА "РОДНАЯ СТОРОНА - ЗЕЛЕНАЯ КОЛЫБЕЛЬ"

В статье рассматриваются фольклорно-литературные связи в повести татарского писателя Гумера Баширова "Родная сторона - зеленая колыбель". Эта тема всегда была и остается актуальной в литературоведении. Взаимосвязь произведения Г. Баширова с народным творчеством впервые освещена в данной статье. Писатель привлекает в повествование многие жанры татарского фольклора: баиты, поверья, игры, считалки. Он обогащает сюжет красочными обычаями и обрядами, составляющими народную культуру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

включённости в межтекстовое пространство духовной и художественной культуры. Историческая инверсия позволяет автору обратиться к читателю, для которого в прошлом локализованы такие ценностные установки, как справедливость, служение высоким идеалам, предназначение человека. Можно утверждать, что произведения о святых Кирилле и Мефодии являют собой пример художественной иконичности, предполагающей личную иконичность автора, что и замыкает требование синергии.

Список источников

1. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. Фило-софская эстетика 1920-х годов. 955 с.
2. **Библиограф: вестник литературы, науки и искусства** / под ред. Н. М. Лисовского. СПб.: Тип. В. Фреймана, Ю. Н. Эр-лиха, В. Балашева, 1884-1914. Год первый. № 1-6. Библиографический указатель книг и статей о славянских перво-учителях Св. Кирилле и Мефодии / составил Н. Л. СПб.: Изд. редакции журнала «Библиограф», 1885. 22 с.
3. **Воскобойников В. М.** Завет Кирилла и Мефодия: для ст. шк. возраста. М.: Просвещение, 2010. 144 с.
4. **Добровский Иосиф.** Кирилл и Мефодий. Словенские первоучители: историко-критическое исследование И. Добров-ского / пер. с нем. И. Добровского; предисл. М. Погодина. М.: Тип. С. Селивановского, 1825. 164 с.
5. **Истрин В. А.** 1100 лет славянской азбуки / отв. ред. Л. П. Жуковская. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 192 с.
6. **Караславов С. Х.** Кирилл и Мефодий / пер. с болг. А. А. Косорукова. М.: Правда, 1987. 733 с.
7. **Кокорин А. А.** Древнерусская икона и культура Запада: заметки художника. М.: Издательство Московской Патриар-хии Русской Православной Церкви, 2012. 136 с.
8. **Лепяхин В. В.** Иконология и иконичность // Икона и образ, иконичность и словесность: сб. ст. М.: Паломник, 2007. С. 129-164.
9. **Маркова А.** Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. М.: Благовест, 2011. 150 с.
10. **Родник Златострунный.** Памятники болгарской литературы IX-XVII вв. М.: Художественная литература, 1990. 528 с.
11. **Сводный иконописный подлинник XVIII века по списку Г. Филимонова.** М.: О-во древнерус. искусства, 1974. 435 с.

SYNERGY OF ICONIC AND ARTISTIC IN THE WORKS ABOUT SAINTS CYRIL AND METHODIUS

Ryabova Svetlana Grigor'evna, Ph. D. in Philology
Irkutsk State University
ryabova.sg@mail.ru

The article analyzes iconicity – the principle which promotes understanding the peculiarities of mutual acceptance of terrestrial and celestial worlds, original eonotop of the literary work. The author focuses on identifying the relation between iconic and artistic in the images of holy first teachers Cyril and Methodius in the book by the Bulgarian writer Slav Khristov Karaslavov. The researcher considers such problems as iconicity as ontological and exclusive necessity when interpreting the images of Cyril and Methodius, iconicity and author's viewpoint in the novel "Cyril and Methodius".

Key words and phrases: Saints Cyril and Methodius; literature on holy first teachers; iconicity; eonotop; artistic image; novel "Cyril and Methodius" by S. Kh. Karaslavov.

УДК 82

В статье рассматриваются фольклорно-литературные связи в повести татарского писателя Гумера Баширова «Родная сторона – зеленая колыбель». Эта тема всегда была и остается актуальной в литературоведении. Взаимосвязь произведения Г. Баширова с народным творчеством впервые освещена в данной статье. Писатель привлекает в повествование многие жанры татарского фольклора: байты, поверья, игры, считалки. Он обогащает сюжет красочными обычаями и обрядами, составляющими народную культуру.

Ключевые слова и фразы: Баширов; повесть; фольклор; литература; связи; обычаи; культура.

Садекова Айслу Хусяиновна, д. филол. н.
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
rezeda_raf@mail.ru

Хайрутдинова Резеда Рафаиловна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rezeda_raf@mail.ru

**ФОЛЬКЛОР И НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ В ПОВЕСТИ
ТАТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГУМЕРА БАШИРОВА
«РОДНАЯ СТОРОНА – ЗЕЛЕНАЯ КОЛЫБЕЛЬ»**

Классик татарской советской литературы Гумер Баширов (1901-1999) – автор популярных произведений («Сиваш», «Честь»), которые многократно издавались в печати.

Одно из необходимых для изучения фольклорно-литературных взаимосвязей произведений – это его повесть «Родная сторона – зеленая колыбель». Повесть была издана в 1967 г. в журнале «Казан Утлары». Повесть показывает красоту родной земли, фольклора и обычаев народа, вносит свой вклад в сохранение всего прекрасного, экологии родного края. Литература последних десятилетий как бы отстранилась от традиционного фольклора, обратилась к таким жанрам, как мифы, проклятья, заговоры. Они стали органичной частью сюжетного развертывания, во многом определив судьбы героев. Г. Баширов перенес на страницы своих произведений аутентичные народные обычаи, фольклор, возвращая забытые песни, байты, детские игры, считалки и др. Он обратился к народному творчеству, исходя из своих принципов о народности.

В пятом томе «Татар эдэбияты тарихы» [6, б. 374-375] есть короткая рецензия о повести, но о связи с народным творчеством, к сожалению, в ней не упоминается. В повести жизнь народа показана глазами ребенка, жемчужины народного творчества, обычаи даются через его восприятие. Они сопровождают естественным образом его детскую жизнь. Изумительная красота природы Заказанья, обычаи народа поражают читателя.

Повесть начинается с описания любимого персонажа татарского народного творчества – жеребенка. Его красота, игривость притягивают мальчика, он влюбляется в него. В отличие от персонажа в повести другого классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова «Алмачуар» здесь жеребенок не погибает на скачках, его просто продают на базаре. А для мальчика – это трагедия, он растет и мечтает долгие годы, что кобыла ожеребится и у него будет еще один друг. Но этого не случилось, и он рано понял, что не все мечты осуществляются.

В татарских семьях была красивая традиция – чтение книг вслух. Старший брат мальчика был шакирдом в медресе. По вечерам он читал книгу «Кыйсса-и Йусуф», написанную болгаро-татарским поэтом Кул Гали (XIII в.) по кораническим мотивам. Слушатели все очень жалели Йусуфа за его страдания. Мальчик не понимал, за что братья бросили любимца отца Йусуфа в колодезь. Мать же очень плачет, слушая чтение. С этого момента у него возник интерес к книгам. В дальнейшем он очень много читал.

Народные обычаи, как показано в повести, совпадают с реалиями жизни. Весной, когда выходят сеять зерно, первому встречному дают посевное яйцо. Такова традиция. Получивший его дядя Гыйбаш отвечает на это пословицей: «У счастливого перед носом есть еда на один раз» [1, б. 45]. В повести очень много поговорок, обрядов. Перед севом отец наполняет лукошко зерном, а сверху кладет десяток яиц. Он бросает горсть зерна, а сверху каждый раз по 2 яйца. В первый день сеют так: зерно с яйцами. Народ верил, что так хлеба уродятся, зерна будут крупными. При этом произносились магические слова: «Земля, земля, дай мне силу шести коней, дай шесть телег ржи».

У деревенских детей были свои развлечения, свои тайны, фантазии. В повести мальчик во время работы тоже мечтает, например, подметая, убираясь в саду. Его уносят в таинственный мир насекомые, жуки, божьи коровки. Он представляет себя огромным рядом с ними, сказочным богатырем «Алып». Он где-то слышал: как-то Алып-богатырь собрал в лесах и полях маленьких существ и принес их в кармане домой. Матери сказал: «Я собрал жуков, они портят зеленые луга, рвут землю» [Там же, б. 101]. Мать смотрит, а он принес пахарей вместе с их плугами. Мать велела отнести их обратно, сказала, что в будущем мир достанется этим маленьким существам, людям.

В татарском народе много сказок, легенд об Алып [2, с. 23], считается, что горы, холмы образовались после того, как Алып вытряхнул там свои лапти.

Есть записи X века Ибн-Фадлана, прибывшего в Болгар с миссией распространения ислама, он пишет о людях огромного роста и силы [3, с. 75].

Жизнь деревенских людей, урожай хлебов зависят от обилия дождей. В повести в один год стояла засуха, дождей долго не было. Однажды мулла и аксакалы сходили молиться в поле, выпрашивая дождь. Но его не было, и они решили сварить кашу, чтобы полил дождь. Собрали у народа крупу, соль и в большом казане сварили кашу. Дети съели кашу и провели обряд «чулмакчели». Впервые этот термин назвал Г. Баширов. Каждого встречного обливали водой, доставая из ведра ковшиком. Облитые понарошку кричали, но никто не обращал на это внимания. Попадало даже коробейникам. Никто не сердился.

Описываются веселые дни сенокоса. Празднично одетые женщины, девушки шли на просушку скошенного сена. Детей предупреждали, что нельзя ходить босиком, змея может ужалить.

Мать девочки Миннисы научила их заклинанию от змей:

Чанки-чанки, злая змея,

Чанки-чанки, гадюка.

В проточной воде уж-змея.

Ради отца и матери прошу,

Лежи, не двигайся, змея [1, б. 92] (здесь и далее перевод автора статьи. – А. С.).

Но когда змея выползла к матери, отец мальчика быстро убил её. Некогда было произносить заклинание, яд гадюки очень опасен.

В повести есть очень красивые старинные детские игры, например, «Нас двенадцать девушек»: их можно отнести к считалке. То, что их содержание не всегда понятно, ученые объясняют древностью жанра.

«Мы, мы, мы,

Было нас двенадцать девушек.

Спустились в баз – съели масло,

Спустились в клеть – съели мед.

Выстроились на доске в ряд,

До рассвета исчезли» [Там же, б. 26].

Все играющие тянут звук «м... м...» закрытым ртом. Рассмеявшемуся достается наказание. Девочки шелкают мальчика по лбу.

Затем все играют в ножички, в «бишташ» (пять камушков), в прятки и др.

В этой повести Г. Баширова упоминаются многие фольклорные жанры, бывшие ранее или существующие поныне.

В сюжете он использовал и байты, оригинальный жанр татарского фольклора. Это очень распространённый до сих пор жанр. Он сочиняется отдельными народными, особенно женщинами, талантами, посвящается в основном трагическим, изредка и смешным историям [5, б. 3]. Г. Баширов обновляет некоторые, иногда и исчезнувшие жанры, это связано с тем, что писатель и сам был ученым-фольклористом.

В книге описывается, как на девичьих посиделках исполняют старинную песню «Хан кызы», приветствуя гостью. Но обиделись парни, которых не пустили на встречу с ней, решили отомстить и украли ворота. Сестра мальчика вышла замуж за парня из соседней деревни. К тому же парни каждый день шли мимо их дома и пели байты о том, что это позор. Но ворота быстро нашлись возле соседней бани, и брат с сестрой обрадовались и обнялись.

Мальчик начал вскоре учиться в медресе, старательно занимался. Во время отдыха шакирдами исполнялись старинные байты «Сак-Сок», «Науруз». Последний повествует о семи девушках, которые, переодевшись юношами, стали учиться в медресе.

«Науруз» переводится как «Новый день», отмечается 21 марта – праздник встречи Нового года у тюркских, иранских народов. Во время праздника исполняются посвященные ему стихи, обрядовые песни. Татарский байт о семи девушках исполнялся под мелодию «Науруза» [4, б. 252-253].

В повести есть «Байт о проданной девушке». В старые времена сироту красавицу Мазлуму муж сестры продал одной старухе, собиравшей девушек для продажи. В деревне очень жалели Мазлуму, но помочь не смогли. Она набрала 17 девушек. Байт так повествует от первого лица:

Отправились мы, негде прилечь,
Нас отправили, чтобы на базаре продать.
О, родные, как не стыдно
Своих детей продавать?
Как барышник скотину
Везет нас на базар.
На кого же польются
Наши горькие слезы [1, б. 313].

Ситуация байта трагичная, но в отличие от других подобных байтов, она хорошо завершается. В поезде одна умная женщина помогла девушкам советом. Девушки напоили злобную старуху чаем со снотворной травой и сбежали от нее. Мазлума вернулась в деревню, она решила отправиться учиться в новометодное медресе Иж-Буби, куда принимали и девушек.

В томе «Байты» на татарском языке (перевода нет) есть произведения и на эту тему: «Байт о проданной девушке», «Байт Хамиды» [5, б. 159, 162]. В этот жанр входят в основном произведения трагического содержания.

В повести много песен, поговорок, шуток-прибауток, они очень оживляют, обогащают её содержание. Живописны картины свадьбы сестры, красочные сцены сабантуя, которые показывают особенности жизни татарской деревни [1, б. 150-180].

В народе продолжает бытовать и жанр сказки. В медресе, где учился герой повести, самый умелый рассказчик Жаворонок Ахмет; сказочнику дают лучшее место и шакирды, затаив дыхание, слушают про похождения храброго джигита.

Г. Баширов знает многие народные мифы и поверья, включает их в сюжет повествования.

Маленький герой в книге должен идти в ночное, для него самое страшное – он должен пройти через заколдованное место. Говорят, в этом месте появляется привидение. Оно предстает в белом одеянии или обравшись в черную кошку. Разные поверья есть во всех татарских деревнях.

Мальчик сел на коня и на ночь глядя отправился в ночное. Он боится, и конь дрожит. Вот впереди показалось что-то серое. Он хотел хлестнуть коня. Но тут услышал крик дяди Сабита, пасечника: «Не бей коня!». Мальчик доехал до костра. Его расспрашивают:

- А ты не встретил привидение?
- Нет, дядя Сабит встретился.
- А тебе сколько лет?
- Десять скоро.
- Значит, – говорят, – тебе встретишься старуха Арнакай в образе Сабита.

Она, говорят, очень любила детей. Она была повитухой всех детей в деревне. Её убили разбойники. У нее была красавица дочь, 18-летняя Фатима. И её убили. Оказалось, что у них денег было всего 3 рубля 50 копеек.

Мальчику и старуха Арнакай, и её дочь не показались страшными. Он очень жалел их [Там же, б. 197-199].

В ночном мальчики и парни рассказывали и были, и небылицы, ели печеную на костре картошку, весело смеялись. Говорили и о том, что есть и Шурале, о котором татарский писатель Габдулла Тукай по следам народных поверий и сказок написал свою знаменитую поэму «Шурале».

Жизнь деревенского народа шла в тяжелом труде. Но они находили время и для песен, баитов, легенд, сказок; играли свадьбы, праздновали веселый сабантуй, и так текла размеренная жизнь от весны к лету, от осени к зиме. Так прошли времена. Началась война, революционная ситуация, свергли царя. Жизнь народа сильно изменилась. Изменилось и народное творчество.

Повесть Г. Баширова – кладезь уже исчезающих жанров и образцов фольклора. Фольклорно-литературная взаимосвязь в его произведении – несомненный вклад в литературу XX века, а обряды и обычаи представляют собой народную культуру.

Список источников

1. **Баширов Г.** Сайланма эсэрлэр: IV томда. Казан: Татар китап нәшрияты, 1982. Т. II. 454 б.
2. **Закирова И.** Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань: Институт языка, литературы и искусства, 2011. 257 с.
3. **Ковалевский А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков: ХГУ, 1956. 345 с.
4. **Татар мифологиясе:** энциклопедик сүзлек: 3 томда. Казан: Мәгариф, 2008. Т. 1. 302 б.
5. **Татар халык ижаты. Бәетләр.** Казан: Татар китап нәшрияты, 1983. 352 б.
6. **Татар әдәбияты тарихы:** 6 томда. Казан: Татар китап нәшрияты, 1989. Т. 5. 544 б.

**FOLKLORE AND FOLK CUSTOMS IN THE NOVEL BY THE TATAR WRITER GUMER BASHIROV
“THE NATIVE LAND – THE GREEN CRADLE”**

Sadekova Aislu Khusyainovna, Doctor in Philology
Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences
rezeda_raf@mail.ru

Khairutdinova Rezeda Rafailevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
rezeda_raf@mail.ru

The article deals with folklore and literary connections in the novel written by the Tatar writer Gumer Bashirov “The Native Land – the Green Cradle”. This topic has always been and remains relevant in literary criticism. The relationship between G. Bashirov’s work and folk art is covered in this article for the first time. The writer draws into the narrative many genres of the Tatar folklore: beits, beliefs, games, counting rhymes. He enriches the plot with colorful customs and rituals that make up the folk culture.

Key words and phrases: Bashirov; novel; folklore; literature; connections; customs; culture.

УДК 82-2

Статья посвящена анализу пьес известного американского драматурга Т. Уильямса «Ночь игуаны» и «Орфей сходит в ад» на предмет наличия в них архетипа «тьень», являющегося одним из ключевых архетипов в структуре личности в соответствии с теорией о коллективном бессознательном швейцарского ученого К. Г. Юнга. Особое внимание в работе уделяется анималистическим образам-символам как возможной форме реализации названного архетипа. Архаический и во многом первобытный источник зарождения архетипа «тьень» позволяет автору статьи сделать вывод о присутствии некоей дикой составляющей в структуре личности персонажей, созданных Т. Уильямсом.

Ключевые слова и фразы: литературный архетип; тень; символ; анималистический образ.

Федоренко Ольга Ярославовна

Московский городской педагогический университет
Olgadujuin@gmail.com

**АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ-СИМВОЛ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ АРХЕТИПА ТЕНЬ
В ДРАМАТУРГИИ Т. УИЛЬЯМСА**

Одним из главных архетипов в структуре коллективного бессознательного личности, по мнению швейцарского психолога К. Г. Юнга, является архетип *тьень*. В нем воплощена та нежелательная часть природы индивида, которую он пытается устранить из своего сознания. Будучи жизненной частью существования личности, *тьень* в той или иной форме напоминает о беспомощности и бессилии человека, а также воплощает все то, что он не хочет видеть в себе. Речь, прежде всего, идет об отрицательных чертах характера, недостойных поведенческих особенностях, негативных порывах души [2, с. 122].

Считается, что сфера существования архетипа *тьень* не ограничивается лишь человеческой психикой. Она также находит свое отражение в произведениях художественной литературы, в частности, в их образной системе. К. Г. Юнг в своей работе «Об архетипах коллективного бессознательного» указывал, что субъекту свойственно проецировать все негативное на других, на внешний мир, а не отмечать наличие отрицательных характеристик в себе [Там же]. Следовательно, можно полагать, что, вбирая в себя некоторые качества